

УДК 82.091(575.2) (04)

ПОЭТ!.. ИДИ, КУДА ВЛЕЧЕТ ТЕБЯ СВОБОДНЫЙ УМ...

А.С. Пушкин

В.А. Воропаева

Анализируется связь творчества А.С. Пушкина с историей и политикой Российского государства, а также с произведениями поэтов Кыргызстана, написанными в разное время.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; гений; судьба; творчество; предназначение; жандармерия; социал-демократическая рабочая группа.

В 1815 г. молодой Пушкин, надеясь на понимание обществом всей его жизни и творчества, написал о себе:

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек [1, с. 10–11].

Но, как свидетельствует история, надежды юного Поэта не оправдались. Общество почти всегда не готово понять и принять творчество и саму многотрудную жизнь Поэта, да еще такого поэта, как А.С. Пушкин. Обратившись в очередной раз в печальные студеные февральские дни памяти по любимому поэту А.С. Пушкину к стихам нашего современника, почитаемого нами – друзьями большого Человека – Леонида Борисовича Дядюченко, поняла, что действительно: “Поэт – величина неизменная!”

Поэтам
На дуэлях не везет.
Дантесы –
Те приличнее стреляют.
И случай им охотней помогает,
И пистолет осечек не дает.
А у поэтов – все наоборот.
Нескладно как-то все
У них бывает.
Нескладно и живут, и умирают.
В стихах –
И то какой-то перелет...
А ведь открой учебник
По стрельбе,
А ведь поправку рассчитай
На ветер,
На зной, на холод,
Да на все на свете.

И вот, глядишь,
Звонят не по тебе.
На Черной речке,
На горе Машук
Они свой лоб
Упрямо подставляют,
Какую цель собою
Представляют:
Любой дурак в них попадет.
На звук и бьют.
На песни.
На сердца.
На трубный стон
Бунтующей гитары.
И рвут струну
Самой судьбы
Удары.
Судьба и рок
Стреляют без свинца.
Они всегда найдут и день, и час.
На клевете
Замесят пересуды.
Губительны
Твои снега, Парнас.
Убийственны
Пустыни душ и глаз.
И похвала,
И поцелуй Иуды.
Как трудно
Умирает человек!
Мучительно
Уходят в ночь поэты.
Но вот ведь что,
Опять встают рассветы,
И песня песням –
Все-таки не спета.

А с ними жив
И тот,
И этот век...

.....

Жив человек!

Сегодня, как ни прискорбно, приходится отмечать привычный симптом: эпоха почти никогда не признает полностью своих Гениев – они опережают ее убеждения. Мало того, судьба Гениев, равно как и судьба их творений, всегда трагична. И чаще всего носитель таланта погибает в скорби от того, что его “казнь – привычный пир народу”. И еще потому, что “гнев народа не воспылал”, и “страна делила с властью убийственное торжество”, как заметил основатель науки гелиобиологии А.Л. Чижевский в свой двадцатый день рождения в стихотворении “К 80-летию убийства Пушкина 29 января 1917 г.” [2, с. 211–213].

*Чорт надоумил меня родиться в России
с душой и талантом”.*

(Из письма Пушкина к жене. 1836 г.).

Завтра казнь, привычный пир народу.
Пушкин. “А. Шенье”.

Как будто в гробе, тьмы людей молчали.
Пушкин. “Полтава” (1828).

... Не все ль равно, кто был убийца:

Их тьма – в глубоких недрах тьма,

Везде – одни и те же лица,

Один палач – одна тюрьма...

Страна, где страх поработает,

Где перед властью ум дрожит, –

Талант скорбит и погибает

И гений в ужасе бежит.

Бежать хотел поэт великий

И намечал широкий путь;

Во Францию ль, в Китай ли дикий –

Скорей, скорей куда-нибудь.

Туда, где творческие силы

В свободе духа могут зреть,

Где нет тюремщиков постылых,

Запрета нет дышать и петь...

Увы, страна делила с властью

Убийственное торжество.

В крови, в тоске с предельной страстью

Изнемогало естество.

К скале, как Прометей, прикован,

Поэт мог горько проклинать,

Что здесь рожден и уготован

Судьбину страшную принять.

И принял он. Но гнев народа

Не воспылал. Поэт затих.

Лишь хитроумная природа

Зло улыбнулась в этот миг.

К сожалению, и этому привычному симптому имеется масса подтверждений...

Вся жизнь Пушкина была риском. Каждый прожитый день был для Поэта непомерным для простых людей тяжелым нравственным долгом перед временем и народом. Новый день был всегда продолжением прошедшего, и это продолжение в жизни Поэта трудно и опасно, но наполнено познанием человеческого пути. Его время уже было историческим, когда молодой поэт жил, но творил в ссылке в Кишиневе, на Кавказе, в Крыму, Одессе и в “приюте, сияньем муз одетом”, – Михайловском.

Но это же жизненное время привело его в Оренбургский край к казакам, помнящим Пугачева, и... к “киргизцам”, о которых он в конце своей жизни напишет в первом варианте знаменитого “Памятника”:

... И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И внук славян, и финн, и ныне полудикой

Тунгуз, киргизец и калмык...

Но позднее, подчиняясь историческому времени, учел: киргизы пока что “околороссийский народ” и не могут пока знать русский язык... И “Памятник” появился в ином варианте.

Поэт Кубанычбек Маликов писал:

Кыргызские печальные долины

Ты б увидел за много лет до нас,

Как русские народные былины,

Тебя пленил бы сказочный “Манас”.

История свидетельствует: у Поэта покой и волю общество продолжает отнимать и после А.С. Пушкина. “И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура” – сожалеет А. Блок [3, с. 779].

Поэт Аалы Токомбаев, арестованный в 1938 г. и обвиненный, как указано в постановлении о предъявленном ему обвинении, “за распространение буржуазно-националистической идеологии и восхваление врагов народа через свои и другие произведения”, и в тюрьме не переставал писать стихи.

А когда выходил на прогулку, перебрасывал клочок папиросной бумаги со стихами соседям: эти стихи заключенные заучивали наизусть и распевали. Позднее они неизвестными путями “уходили” за пределы тюрьмы, на волю...

...Моя бедная песня, несчастная песня,

Ты – луч солнечного света!..

Мое тело не нужно...

Ты нужна моему народу!

Ты носи правду..., –

написал он однажды после очередных пыток. А потом несколько суток провел в карцере. “Карцер не рассчитан на отдых. Но, сутками стоя по колено в воде, вновь и вновь тоскуешь по воле, по честному имени, по жене, по детям. ”Ну, Пушкин, не одумался?!“ – звякнув ”глазком“, с издевкой спрашивает мучитель. – Ишь, Пушкину не нравится...“ Он бил не меня, он бил Пушкина”, – считает Поэт. Новые пытки рождали новые стихи:

Хочешь мучить меня – так мучай,
Иглы в ногти вгоняй иль нож!..
Только гордость нашу не трогай –
Имя Пушкина – не тревожь!..

В тюрьме Аалы Токомбаевым были созданы поистине шедевры кыргызской поэзии, ставшие народными песнями, и среди них “Обращение к Пушкину”...

Чтобы не сойти с ума от бессонных тягостных раздумий в тюрьме, лишенный связи с миром, Аалы Токомбаев надергал из носков ниток, сделал из щепок и спичек иголки и крючки и вышил на куске распоротой тюремной наволочки портрет любимого поэта А.С. Пушкина. Эту вышивку вынесли тайком из тюрьмы Акматбек Джумалиев и Касым Нигматуллин...

И потом, гораздо позднее, в стихотворении “У памятника Пушкину” Аалы Токомбаев восклицает:

Он – гордость родины моей обширной!
И гордостью не стал ли он всемирной?
Всем миром признан – из конца в конец
“Евгения Онегина” творец.
... Недаром ты всем нашим людям близок,
Недаром для киргизов и киргизок,
Чьи радостью полны сердца,
Нет более любимого певца.

Всей своей жизнью Аалы Токомбаев доказал и был прав, как подметила поэт Светлана Сулова, когда в одном из своих стихотворений обронил:

Поэты – вопреки, а не благодаря...

Что же происходит на самом деле в жизни мирской? И что подвигает Поэта и сегодня оставаться сыном Гармонии?

Наш современник поэт Александр Никитенко в стихотворении с пушкинским эпиграфом: “Выпьем с горя, где же кружка” – ответил на эти вопросы так:

... И дарит мне тепло
Опять старушка-няня,
И Пушкин видит нас
Из глубины веков.

Есть в космосе родство

*По духу! Плюс при этом –
Желание уйти
За звездный перевал...¹*

Это поистине космическое “родство по духу” и “желание уйти за звездный перевал” подвигло поэта Александра Никитенко на размышления более высокого порядка:

Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы...”
И в век корысти и наживы
Мы о свободе говорим.
Настанет миг – с колен мы встанем
На площадях и на сыртах.
А. Пушкин не был в Кыргызстане.
Но был и есть у нас в сердцах.

И действительно, как свидетельствует история, творческая жизнь поэта совершенно не соизмерима с общепринятым порядком внешнего мира. Задачи поэта – общекультурные, а его дело – историческое.

Истории известны свидетельства о том, что имя А.С. Пушкина использовали в своих политических целях даже нарождавшиеся и развивающиеся в конце XIX в. социал-демократические группы...

Однажды решила перелистать в очередной раз имеющуюся в домашней библиотеке огромную, более чем в 1000 страниц удивительную книгу – “Литературное наследие” 1934 года издания, полностью посвященную творчеству А.С. Пушкина. Неожиданно внимание задержалось на статье под достаточно обычным названием “Несколько слов о Пушкине”, а ниже – удивительно, почти невероятное: “нелегальная брошюра Саратовской социал-демократической группы к пушкинскому юбилею 1899 года”. Здесь следует заметить: название статьи, опубликованной в названной книге, полностью совпадает с названием брошюры, о которой идет речь в статье.

Согласно сообщению Роберта Майера, очевидно, автора статьи, брошюра обнаружена исследователями 30-х гг. в архивах среди документов жандармского управления, по-видимому, из-за ее “нелегальности”, что указано в названии и антисамодержавной направленности, о чем свидетельствует содержание брошюры.

Следует заметить особенность социального состава Саратовской социал-демократической рабочей группы. Основное ядро этой рабочей группы составляли поднадзорные студенты, высланные из Харькова, Москвы и других городов, и поднадзорные рабочие из Златоуста и Сарато-

¹ Курсив авт. – В.В.

ва. И эта социал-демократическая организация, по заключению жандармов, задалась целью вести пропаганду “преступных революционных идей” среди рабочих и издавать “революционные сочинения” гектографическим способом, подобно брошюре “Несколько слов о Пушкине”.

Какой же анализ творчества Поэта смогли провести эти недоучившиеся студенты и как связали они имя А.С. Пушкина с революционными устремлениями рабочего класса?

Брошюра “Несколько слов о Пушкине” начинается так:

“26 мая этого года в обеих столицах и в большинстве провинциальных городов будут чествовать А.С. Пушкина...”. Далее замечено, что “правительство также содействует этому торжеству деньгами и личным участием и делается это в то время, когда миллионы крестьян в буквальном смысле слова мрут от голода и страдают от болезней.

Народу нет причин чествовать Пушкина, так как он свой талант употреблял не на благо народа, а служил своим талантом эксплуататорам и потому достоин не уважения, а презрения: он был другом царя, дворянства и буржуазии, льстил им и угождал их развратным вкусам, доказательством чего служит то, что он был награжден 30-тысячной рентой и званием камерюнкера, тогда как друзья народа награждены были ссылками и тюрьмой” [4, с. 1045].

Правда, жандармы возмущаются тем, что в брошюре “Император Николай I называется рыцарем кнута и палки, и злым гением великой свободы, а он, то есть Пушкин, поет хвалу удаву в мундире, душившему в железных объятиях тридцать лет Россию...”.

И затем составители брошюры противопоставляют гласный праздник, посвященный Пушкину на площадях, празднику труда 1 мая, “который подводится под государственное преступление”. Что рабочим нет дела до юбилея, так как Пушкин не рабочий, а они в то время увлекались Некрасовым, что он (Пушкин) дружил с царем, изменил декабристам и воспевал только знать.

Мало того, как сообщается в донесении жандармам, *интеллигент*, принесший брошюру, сообщил собравшимся на встречу рабочим: “Мы будем праздновать 26 мая не в честь Пушкина, как приготавливаются все праздновать, а мы будем праздновать свой праздник 1 мая”.

Здесь же, в материалах жандармерии, замечено, что у *интеллигенции* по поводу брошюры о Пушкине произошел спор: “по мнению одной части интеллигенции, называющей себя социал-

демократами, брошюра написана в отрицательном духе, то есть в духе народническом, с умалчиванием о некоторых произведениях и об их хорошей стороне.

Другая часть интеллигенции, то есть народники, утверждают, что в брошюре сделана настоящая оценка Пушкина на основании его произведений” [4, с. 1044].

Гораздо позднее, почти через 35 лет, один из активных членов социал-демократической группы Н.И. Малинин заявил, что он являлся автором значительной части брошюры и готов принять упреки за недостатки, происшедшие от “недостаточной подготовленности”. И теперь, в 1934 г., когда в стране развернуто изучение творческого наследия Поэта и даже в программы государственных общеобразовательных учебных заведений введено изучение творчества А.С. Пушкина, Н.И. Малинин вдруг стал резко критиковать старую царскую власть за ее отношение к Поэту.

Уже достаточно старый человек, он говорил, что они, революционеры той поры, знали, что самодержавие “забыло про гнусную игру, проделанную по отношению к Пушкину императором Николаем I – Палкиным, по выражению Герцена, забыло про высылку Пушкина из Петербурга на юг России и про пожизненную пенсию, выданную гнусному убийце Пушкина – Дантесу. Правительство стремилось “заботу” царя о Пушкине представить попечением о культуре и закрыть юбилеем свое настоящее лицо... Брошюрой надо было доказать, что ненависть самодержавия ко всему чистому и свободному характерна для его политики...” [4, с. 1046].

Известно, что еще при жизни взглядами А.С. Пушкина нередко манипулировали современники, на что Поэт обычно отвечал:

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет
Балагура...

С точки зрения обывателя, Поэт не совсем корректно относится к мнению прессы и к тем, на кого эта пресса работает. А почему бы и нам тоже не поставить вопрос: Какая же причина могла вызвать такую реакцию Поэта?

Попробуем снова обратиться к мнению известных и достаточно почитаемых деятелей культуры. Один из них, священник Павел Флоренский, опираясь на собственный горький опыт, размышляя о судьбе А.С. Пушкина, в одном из последних писем писал: “...удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страда-

ние внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так – вполне ясно, это отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия <...> Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее” [5, с. 292].

Следует заметить, что П. Флоренский, зная свои выводы о судьбе А.С. Пушкина, достойно нес выпавший на его долю жребий. Он, как и многие его современники, был казнен в 1937 г. Ему, как и Поэту, было тяжелее многих других глубоко осознавать угнетение духа человеческого.

Свое отношение к судьбе Поэта выразила Светлана Сулова – наша знаменитая современница и замечательный поэт в своем стихотворении “Мой Пушкин”:

Тот голос, что слышу в тиши:
Ровесник, потомок,
Безумствуй, твори и греши,
Но знай, что отмерен
Наш певчий неистовый век,
Распахивай двери,
Куда не ступал человек;
Пусть, словом ведомы,
Приходят в наш мир чудеса;
Пусть будут как дома
В гостях у тебя небеса;
Пусть толпы глумятся,
Что путь твой тернист и жесток...
У певчего братства Судья –
Только Время и Бог!

А.С. Пушкин неоднократно в своих произведениях обращался к проблемам самой Судьбы и предназначения творчества Поэта. В частности, в стихотворении “Поэт”, написанном в 1827 г.,

эти тревожащие всех проблемы он обозначил следующим образом:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы... [6, с. 104].

Литература

1. Пушкин А.С. “Моя эпитафия”. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1981. Напечатано в Российском музее. 1815. № 10–11.
2. Чижевский А. В науке я прослыл поэтом: Стихотворения. Калуга, 1996.
3. Блок А.А. О назначении Поэта // Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. М., 1999.
4. Несколько слов о Пушкине // Литературное наследство. Журнально-газетное объединение. 1934. № 16–18.
5. Бычков В.В. Философия искусства Павла Флоренского // Священник Павел Флоренский. Избранные труды по искусству. М., 1996.
6. Пушкин А.С. 1824 (Михайловское) – 1836. Собр. соч. в 10 т. Т. II. М., 1981.